

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОДИН ПИСТОЛЕТ, ТРИ ТРУПА

С того момента, как прозвучал клич «По коням!», минуло уже полтора часа, а следственно-оперативная группа все никак не могла добраться до места преступления. То водитель по недосмотру проскочил нужный поворот, то решил срезать по грунтовке и попал черт его знает куда, то в сторожке дачного кооператива не оказалось ни одного охранника, чтобы поднять шлагбаум.

— Ломаем, — решил майор Деев, возглавлявший следственно-оперативную группу.

Ранняя седина его молодила, а набрякшие мешки под глазами, наоборот, старили, и в итоге он выглядел как раз на свои сорок два года. Женщины Деева жаловали, а начальство — нет, так что мечты о полковничьих звездах, похоже, накрылись медным тазом.

— Кто-то здесь оглох? — нетерпеливо спросил Деев.

Надеясь отвертеться, водитель снова посигналил: звук получился громкий, но какой-то безнадежный, исполненный тоски. С дерева поднялась сорока и, суетливо работая крыльями, с криком помчалась прочь, но из сторожки так никто и не вышел.

— Вот так и живем, — заметил оперуполномоченный Кашин. — Куда ни ткнись, все игнорируют. А страна катится...

— Трогай! — приказал Деев водителю.

— Глядите, товарищ майор, отвечать не мне.

— Трогай, трогай.

Квадратный лоб «Ниссана» уперся в шлагбаум, отжал его и вывернул из креплений. Полосатый брус шлепнулся в лужу талой воды. В тот же миг, как чертик из табакерки, на крыльцо выскочил охранник в черно-сером камуфляже. Физиономия у него была помятая, в руке он держал дубинку.

— Ну, началось... — вздохнул водитель.

— Ты что творишь, меринос? — заорал охранник. — По какому праву?

Деев легко и ловко выбрался наружу и обогнул автобус.

— Представься, — потребовал он. — Ты кто такой? Почему дрыхнешь на службе?

— Кто дрыхнет? — забубнил охранник, косясь на выставленное удостоверение. — Я на посту. Дежурство несу.

По-видимому, прежде чем выйти к нарушителям, он вызвал подкрепление, и теперь на место событий спешила «газель» на высоких колесах.

— Небось, по дачам шарили, — предположил кинолог, почёсывая за ухом жмурящуюся овчарку. — С зимы дачи пустуют, парням раздолье — гуляй не хочу. Если что, всегда отбрехаться можно: мол, сигнализация сработала, прибыли по тревоге.

— У нас прошлой зимой стиральную машинку увели, — поделилась воспоминаниями эксперт Фельдман. — Все вещи на местах, а машинка — тю-тю, и спросить не с кого.

— Охраннички, — сказал Кашин. — Ох, рано встает охрана...

— У тещи однажды тоже так вот на дачу забрались и до весны жили, — мрачно произнес следователь Величко. — Мало того, что все запасы сожрали, так еще на столе кучу наложили на прощанье. Это вместо благодарности.

— Катимся, — вздохнул Кашин. — И докатимся.

Пока они обсуждали превратности дачной жизни, Деев успел *построить* всех троих охранников в буквальном и переносном смысле этого слова. Виновато понурившись и перетаптываясь на мокром асфальте, стояли они перед начальником в ряд и гудели что-то в свое оправдание. В принципе, у них имелось собственное начальство, и какой-то офицер полиции был для них, что называется, не пришей к звезде рукав, но Деев умел поставить себя так, что ему подчинялись.

— Я предупреждал, что мы приедем? — перебил он бормочущих охранников. — Просил встретить?

— Так мы ждали, — сказал тот, который проспал, — а вы все не едете и не едете.

— На то были веские причины, — отрезал Деев. — Знали бы вы, сколько преступлений ежедневно совершается в одном только этом районе. Но вам лучше не знать, парни. Чтобы не травмировать свою молодую психику. Кто из вас первым труп увидел?

Деев обвел взглядом охранников. Один из них непроизвольно вытянул руки по швам, как делал это, наверное, лет двадцать назад, пребывая на срочной службе в армии.

— Я, — сказал он. — Иду, а он лежит. Ноги внутри, а сам снаружи.

— Ты к нему приближался? Трогал что-нибудь?

— Зачем мне трогать? — охранник пожал плечами. — Что он, баба?

— Некоторые, — объяснил Деев, — по карманам шарят или, того хуже, на место преступления лезут в надежде поживиться. Так вот, если бес попутал, то лучше сознаться сразу. А то ведь следы все равно всплывут. И пальчики.

— Какие пальчики? — встревожился другой охранник.

— Вот эти, — Деев красноречиво пошевелил пальцами, то собирая их в горсть, то растопыривая. — Какими отпечатки оставляют. А то ведь можно и по делу пойти...

Парни не стали спрашивать, «куда». Они родились и выросли в стране, где этот маршрут был всем хорошо известен: следственный изолятор, этап, лагеря.

— Я к телу не подходил, — твердо заявил охранник. — Там во дворе еще снег лежит и грязно. Только дурак топтаться станет.

— Сообразительный, — похвалил Деев. — Молодец. Теперь показывай, где это, а то до вечера провозимся.

Он еще не знал, что ему и сотрудникам предстоит работать на месте преступления не то что дотемна, а до глубокой ночи. Убийство-то оказалось тройное...

* * *

Кинолога с собакой в дом не пустили, поскольку, помотившись по округе, они принесли на ногах столько грязи, что затоптали бы все следы внутри.

— Нашли что-нибудь? — поинтересовался Деев, выглянув в двери.

— Голяк, — сказал кинолог.

— В общем, как обычно.

— Ну за чем вы так, товарищ майор? В прошлом месяце мы с Рамзесом...

Не дослушав, Деев вернулся в дом. Для этого ему пришлось перешагнуть через тело на пороге, мешавшее ходить и не позволявшее закрыть дверь.

Этому покойнику, как и двум остальным, было не больше двадцати. Его застрелили в спину, когда он пытался выскочить из дома, где уже были убиты его товарищи. Стрелок оказался неопытным. Судя по ранениям, ему пришлось сделать не менее трех выстрелов, чтобы остановить последнюю жертву. Огонь велся не в упор, но с очень близкого расстояния. Одна пуля поразила бедро убитого, вторая засела в тканях правого плеча, и лишь третья вошла в середину спины, пробив легкое и наспиговав сердце осколками по-

звоночника. А ведь могли быть и другие пули, пролетевшие мимо и засевшие в стене либо расплющившиеся о нее и от-рикошетившие в стороны.

Величко, усевшись на тумбочку, деловито строчил акт осмотра места происшествия. Глаза его, независимо от движений руки, блуждали по просторному холлу, который он по старинке именовал «прихожей». Но это был именно холл — с огромным зеркалом, декоративным рыцарем и картинами на стенах. В последние годы состоятельные люди повадились возводить особняки не в черте города и не на отшибе, а в таких вот дачных поселках, куда подведены дороги, электричество и прочие блага цивилизации. Этот дом принадлежал Тамонниковым, но Деев пока не спешил сообщать им о трагедии. Потрясенные родители помешали бы процессу осмотра, дознания и следствия. Нужно было собрать улики, выяснить личности всех троих и хотя бы в общих чертах представить картину преступления.

— Подошвы чистые, — пробормотал Величко, почесывая ручкой кончик носа. — Значит, по всей видимости, покойник вместе с остальными прибыл на место преступления в автомобильном транспорте.

Он уже занес ручку над бумагой, когда был остановлен словами Деева:

— Думай, что пишешь, Коля. Важна каждая буква, не то что слово. Как это покойник прибыл на место? Его в багажнике привезли? Или он у тебя зомби из американских ужастиков?

— Н-да, глупо получается, — согласился Величко со вздохом.

— Путанно, а не глупо, — поправил Деев. — Документ должен быть предельно точным и понятным, чтобы у читающего не возникало никаких вопросов и сомнений. Ты уже четвертый год в деле, а позволяешь себе всякую лирику.

— Исправлюсь, товарищ майор.